

Я вырастил в Кеневе клана Юэ сына, который уже сотню лет не рождался на свет — такого почтительного, послушного, понятливого, добившегося поразительных успехов и прославившего предков! Только вот... только я боялся... боялся, что императорское благоволение к нему окажется лишь сиюминутной прихотью! Что делать, если прислуживать императору — всё равно что спать рядом с тигром? Что делать, если мой сын пошёл на это не по собственной воле? Если... я ведь тоже должен думать о своем сыне! Я вовсе не жестокосердный отец, да и разве у отцов с сыновьями бывают обиды, что длится дольше ночи? Инъян — мой единственный сын! Раз уж ему не суждено вырваться из императорского окружения, лучше мне умереть! Пусть Клан Юэ поставит на кон жизни всего рода, я не желаю, чтобы мой сын прозябал в таких мучениях! Только я и не подозревал, сколько всего за этим стоит... скольких... тяжелых тайн...

Не договорив, Старый генерал Юэ уже повернулся к Юэ Инъяну и зарыдал, словно малый ребёнок.

Юэ Инъян стоял перед двумя людьми, которые любили его всем сердцем, перед двумя людьми, которые готовы были поступиться собственным достоинством и добрым именем, лишь бы защитить его до конца, перед двумя людьми, которые проливали о нём горькие слёзы и рыдали в голос.

Он всё-таки плохо знал своего отца — Старого генерала Юэ. Старик выказывал свою заботу об единственном сыне по-своему. Если бы это было год назад, разве способ старого генерала не стал бы тем самым избавлением, о котором он тогда больше всего мечтал?... Нет никого, кто знал бы сына лучше отца! Поистине — нет никого, кто знал бы сына лучше отца! Если бы он и дальше продолжал существовать в том положении, какое невольно воображал его отец, он — предпочёл бы умереть!

Только... только теперь в его жизни больше не было угрюмого и властного императора, зато появился капризный, но заботливый возлюбленный — его Гунхун. Разумеется, он понимал его с полуслова: он мог предугадать почти каждую его мысль, ощутить каждую его улыбку, осознать, сколь глубоки его чувства.

А что он сам мог противопоставить им в ответ на это, кроме всей глубины своей любви?

— Отец, сегодня Гунхун вместе со мной называет вас отцом. В дальнейшем, как бы вы ни смотрели на нас, мы непременно останемся вашими сыновьями! — Юэ Инъян выпрямил спину, и на его лице не осталось и следа прежней подавленности, растерянности и горечи. Он словно заново родился: черты его лица, прежде казавшиеся высеченными из камня, озарились светом надежды, став еще более яркими и притягательными. Ситу Гунхун невольно засмотрелся на него и лишь тогда, когда Юэ Инъян умолк, последовал его примеру и опустился на колени. Когда он снова поднял голову, в глазах старика уже вернулись прежние спокойствие и мудрость — в них угадывалось то, каким станет Юэ Инъян в будущем. Ситу Гунхун снова почувствовал, как защипало в носу: он знал, что отныне у него и у Инъяна наконец появились родные люди!

— Ну полно, полно, вставайте! Поднимайтесь и говорите стоя! — Юэ Вэйго протянул руки,

чтобы помочь обоим подняться, но, когда его ладонь коснулась плеча Ситу Гунхуна, он внезапно вспомнил о высочайшем статусе собеседника, однако, заметив полный надежды взгляд юноши, рука его опустилась уверенно и крепко, сжав плечо так, будто он обращался к собственному сыну.

Трое уселись за стол, и Юэ Вэйго обвел взглядом два молодых лица:

— Подумать только, я — ветеран трех царств, помогавший основать династию и отвоевавший эти земли, по воле покойного императора лично назначенный Старшим генералом, — нянчил тебя с пеленок. И раз уж вы с Инъяном теперь любите друг друга, то называть меня отцом — вполне почетно для меня...

Ситу Гунхун от природы отличался чрезвычайной сметливостью и живостью ума; где уж ему было упускать такую возможность — он тут же поддался уговорам. Не успел он подняться из-за стола и снова поклониться, как Юэ Вэйго удержал его за плечи. Ситу Гунхун удивленно поднял голову.

— Только вот это наше родство должно оставаться сугубо внутри семьи Клана Юэ. В дальнейшем при дворе ты останешься императором, восседающим на тронном месте, а мы, Клан Юэ, останемся твоими придворными чиновниками на аудиенциях. Никаких поблажек и проявлений особого фаворитизма быть не должно. Сумеешь ли ты соблюсти это условие?

Поистине, этот Юэ Вэйго обладал поистине нестигаемым характером. Во всей Поднебесной не нашлось бы другого человека, способного выдвинуть императору подобные требования. В этот миг чувство почтения и любви Ситу Гунхуна к Юэ Вэйго — помимо его всеобъемлющей любви к Юэ Инъяну — стало еще глубже, и он с радостью дал согласие. В тот же момент он почувствовал, как сопротивление в руках Юэ Вэйго ослабло, и сам опустился на колени, назвав его отцом.

Юэ Вэйго поглаживал длинные седые усы, испытывая радость в душе. Увидев, что Юэ Инъян следует примеру Ситу Гунхуна и тоже опускается на колени, повторяя недавний свадебный ритуал, он одобрительно кивнул, но выражение его лица уже стало строгим.

Выпив поданный обоими чай, Юэ Вэйго собрался с духом и произнес:

— Присядьте оба. Кое о чем вам обоим необходимо знать прямо сейчас.

Тут же достав из рукава шелковый свиток, он развернул его на столе. Внимательно всмотревшись, оба с изумлением обнаружили, что перед ними — план военной обороны Вэйчэна!

Ситу Гунхун покрылся холодным потом и мрачно спросил:

— Откуда у отца эта карта, осмелюсь спросить?

Стоит ли говорить, насколько важен был план обороны Вэйчэна! Помимо экземпляра, хранившегося в тайнике в личных покоях императора, существовала лишь еще одна копия у ответственного за городскую оборону генерала Цяя. Все остальные — даже Юэ Инъян, будучи Великим генералом, утверждающим величие, но занимаясь совершенно другими обязанностями — не имели возможности ее увидеть. Кто бы мог подумать, что Юэ Вэйго, столько лет отошедший от дел, едва двинув рукой, предъявит столь секретный документ! Если бы этот чертеж попал в руки злоумышленников, это означало бы полную потерю обороноспособности императорской столицы, а он сам, как император, оказался бы в их руках!

— Сынки мои, в последнее время вы оба были ослеплены этим словом — любовь, упуская из виду то, что были обязаны заметить. Если государь великой державы и великий защитник отечества будут обращать внимание лишь на то, что творится у них под носом в столице, им никогда не удастся навести порядок в стране!

Услышав из уст императора обращение отец, старый генерал Юэ преисполнился глубокой умиротворенности и тотчас принялся наставлять двух умнейших по сути молодых людей.

Оба они от природы обладали широким государственным умом, но теперь, опомнившись, осознали, что в последнее время действительно не замечали ничего, кроме друг друга, да и не желали ни о чем другом думать — плевать им было и на Вэйчэн, и на всю Великую Святую Династию. Услышав слова Старого генерала Юэ, они наконец прозрели, осознав, что их первейшим долгом по-прежнему остается служение в качестве императора и генерала Великой Святой Династии. Переглянувшись, они увидели в глазах друг друга досаду и самообвинение и почувствовали жгучий стыд.

Юэ Вэйго не упустил ни единого их движения. Заметив, как они раскаиваются, он мысленно похвалил их и продолжил:

— Этот шелковый свиток Пинсянь-ван использовал, чтобы перекупить столичных чиновников, недовольных вами обоими. Это лучшая улика их злого умысла! А уж каким путем карта попала в руки вашего покорного слуги, вам знать не обязательно. Сейчас нет ничего важнее двух задач: с одной стороны, успокоить чиновников при дворе, не допустить, чтобы из-за недовольства вашими недавними поступками они переметнулись на сторону Пинсянь-вана, а с другой — тщательно подготовиться к отпору! Один из вас — закаленный в боях отважный полководец, другой — хладнокровный и безжалостный правитель, добившийся успеха в юные годы. Думаю, мне, старому человеку, давно отошедшему от дел и вернувшемуся к мирной жизни, больше не нужно учить вас, как совладать с грядущим хаосом!

Выслушав его, оба почувствовали, как в их глазах вспыхнул острый блеск. Их переполняла ярость от того, что Пинсянь-ван посмел воспользоваться случаем и нанести удар в спину, но в то же время они радовались проницательности и бдительности Старого генерала Юэ — иначе, когда Пинсянь-ван явился бы в тронный зал во главе недовольных сановников, им оставалось бы только жаловаться на судьбу. Обливаясь холодным потом, они принялись заново упорядочивать свои мысли, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тонкой

струйкой дыма, непрерывно вившейся над курильницей.

— Ладно, полночь уже близко, старику пора спать. Не знаю почему, но в последнее время здоровье мое ни к черту, едва наступает вечер — валится с ног... — Старый генерал Юэ поднялся на ноги, многозначительно улыбнулся обоим и удалился, прихватив с собой верных телохранителей, ожидавших у двери.

Юэ Инъян и Ситу Гунхун переглянулись с улыбкой, понимая: последними словами старик намекал, чтобы никто не узнал о его ночном визите... Проводив взглядом темный силуэт старика, скрывшийся за кирпичной стеной внутреннего двора, оба погрузились в глубокие, исполненные скрытого смысла раздумья.

— Только сегодня я понял, что прижил себе отца — старого лиса, — понизив голос, с беззаботной улыбкой произнес Ситу Гунхун. Юэ Инъян сначала хотел было возразить против сравнения отца с лисой, но, подумав, понял, что и сам никогда по-настоящему не знал этого человека, который еще тогда, когда сам он был лишь преисполненным самобичевания зеленым юнцом, уже слыл первым по храбрости и мудрости Старшим генералом Святой Династии. Раз уж он умудрялся так искусно скрываться даже от собственных домочадцев, кем же еще он был, если не старым лисом? Юэ Инъян горько усмехнулся, покачал головой и тоже рассмеялся.

— Однако дерзости Пинсянь-вану не занимать! — спустя мгновение смех Ситу Гунхуна стих, а лицо исказилось от злобещей злобы.

Привыкший к тому, что у того лицо меняется быстрее, чем страницы в книге, Юэ Инъян продолжил:

— С тех пор как ты взошел на престол, опасаясь, что столичные кланы и группировки ослабнут императорскую власть, ты под любым предлогом разослал всех членов императорской семьи по уделам, запретив им под страхом смерти возвращаться в столицу без особого приказа. Они давно затаили обиду, и теперь, подвернувшись им столь удобный случай, они, разумеется, ухватятся за него обеими руками. Только вот как ему удалось раздобыть план обороны Вэйчэна?

— Это проще простого. Посмотрим, кто из тех, кто обычно имеет доступ к оборонным картам, в последнее время внезапно разбогател неизвестно откуда или начал вести себя подозрительно шумно — здесь наверняка не обошлось без замешанных лиц. Стоит лишь отдать приказ о расследовании, как всё всплывет наружу. — Ситу Гунхун тяжело опустил кулак на стоявший перед ним чайный столик. Рука все еще лежала на дереве, как вдруг раздался треск, и деревянный столик развалился на мелкие куски. Лишь тогда Ситу Гунхун вспомнил, что не сдержал силы удара, и виновато улыбнулся Юэ Инъяну.

Юэ Инъян вечно не знал, как совладать с этим переростком, способным в мгновение ока переключаться между ролями капризного ребенка и императора. Он укоризненно и шутливо глянул на него, а заметив наивное выражение лица Гунхуна, невольно улыбнулся. Перешутившись, они вернулись к главной теме.

— Сейчас для нас важнее всего сделать так, чтобы люди Пинсянь-вана не догадались, что нам известны их замыслы. Это позволит сохранить спокойствие среди сановников и не допустить, чтобы в отсутствие выбора они склонились на сторону Пинсянь-вана. Мы обязаны внушить им мысль, что лишь под сенью твоего двора Великая Святая Династия обретет величайший мир и процветание, и что именно служба при дворе сулит им наибольшие перспективы. Когда Пинсянь-ван растеряет все сторонники, нам больше не придется беспокоиться о его фокусах.

Едва Юэ Инъян умолк, как поймал на себе взгляд Ситу Гунхуна — тот смотрел на него так, будто перед ним сидела диковинная обезьяна. Не выдержав, он выпалил:

— На что это ты пялишься?

Спросив, он тут же пожалел об этом, опасаясь, как бы Ситу Гунхун, как и прежде, не начал поддразнивать его фразами вроде мне нравится смотреть на твое лицо и прочей бессмыслицей.

— А ты и впрямь сын Старого генерала Юэ. Только сегодня я понял, что в твоей голове роятся столь здравые мысли! Раньше, когда ты являлся на утренние аудиенции, ты наверняка таил их при себе, боясь, что если я воспользуюсь твоими советами, моя власть станет еще сильнее. Вот ты их и скрывал, а теперь наконец проговорился! Клан Юэ — и впрямь все сплошь хитрецы лисы!

Впрочем, Ситу Гунхун с самого назначения Юэ Инъяна своим наставником знал, что его стратегический ум ничуть не уступает воинской доблести. Во-первых, они оба тогда вели скрытую борьбу друг с другом, а во-вторых, Юэ Инъян вел себя излишне скромно. Даже когда он отличался на поле боя, Ситу Гунхун был прикован к тронному залу в столице и мог лишь издавна слушать о его триумфах, не имея возможности воочию увидеть, как тот с помощью ума и доблести обращает врагов в бегство. Поэтому, услышав столь четкий и трезвый анализ текущей обстановки из уст Юэ Инъяна, он горько пожалел, что некогда тратил все силы на любовные битвы с ним, оставляя без внимания столь ценного мудрого советника.

— Если говорить о хитрости, то мне ли тягаться с нынешним императором! — Юэ Инъян не забыл, как на обратном пути из северных рубежей Ситу Гунхун хвастался тем, как расправился с Ван Ляньфу. К тому же он-то сам использовал военную хитрость ради победы над врагом, а вот методы Ситу Гунхуна были самой настоящей ложью...

— Верно, так что на сей раз мы вдвоем за нос поведем любого! Стоит нам указать на восток, разве посмеют они двинуться на запад? — Ситу Гунхун намеренно переиначил слова Юэ Инъяна, решив свести всё к бахвальству.

— Ладно, с завтрашнего дня ни моя Армия Орла, ни твоя императорская гвардия не должны сдвинуться с места. Нам нельзя спугнуть змею раньше времени. Для поручений нужно использовать лишь абсолютно проверенных и способных людей, причем им нельзя раскрывать весь замысел целиком — чем меньше народу знает обо всем, тем лучше. А теперь давай прикинем, какими силами на данный момент располагает Пинсянь-ван.

Юэ Инъян поленился препираться с Ситу Гунхуном и принялся за собственный анализ, заставив того слушать со всей серьезностью.

— В законах Святой Династии четко прописано: в каждом уделе численность вооруженных сил не может превышать установленных лимитов — конницы не больше десяти тысяч, пехоты не больше тридцати тысяч, а прочие рода войск и ежегодная трудовая повинность — не более десяти тысяч. Итого предельная численность войск в каждом уделе составляет пятьдесят тысяч человек. Сейчас Пинсянь-ван выступает под предлогом моих безрассудных поступков, идущих вразрез с придворным этикетом, стремясь заручиться поддержкой чиновников, а потому он не станет выводить армию, превышающую этот лимит, дабы не выдавать заранее своих мятежных замыслов.

Юэ Инъян медленно кивнул:

— Однако, раз уж Пинсянь-ван питает столь дерзкие планы, мы не можем не опасаться двух других удельных князей, сосланных из Вэйчэна вместе с ним. На грядущем осеннем празднике жертвоприношений они непременно явятся в Вэйчэн со всеми своими силами! Если сложить их войска воедино, общая численность может достигнуть ста пятидесяти тысяч человек! При такой армии даже мои пять тысяч воинов Армии Орла и твои двадцать тысяч гвардейцев окажутся лишь каплей в море.

Под конец его брови сошлись на переносице, выдавая всю сложность грядущего сражения при столь неравных силах.

— Разумеется, если задействовать лишь твою Армию Орла и мою гвардию, дело обстоит именно так. Поэтому в ближайшие дни мы должны заполучить тигриную бирку, чтобы поднять пятьдесят тысяч гарнизонных стражей за стенами Вэйчэна и двадцатитысячную армию из Каньчэна, расположенного ближе всех к столице. Тогда под нашим началом окажется около двухсот восьмидесяти тысяч человек — разве не заставим мы этих мятежников захлебнуться кровью у реки Цилинь?

— Половина тигриной бирки находится у первого министра Суна. В тот день он яростнее всех выступал против нас и даже исходатайствовал императорский указ с требованием привлечь удельных князей к регентству. Так что даже если одна половина бирки у тебя, без второй нам всё равно не обойтись.

Юэ Инъян пристально заглянул в глаза Ситу Гунхуна.

Лицо Ситу Гунхуна слегка покраснело:

— Ты... ты уже знал об этом?

Он изначально планировал умолчать о том, что столичный первый министр выступил с предложением назначить удельных князей регентами, чтобышний раз не тревожить Юэ

Инъяна, но оказалось, что тому уже всё известно.

Юэ Инъян сделал шаг вперед, обнял Ситу Гунхуна за плечи и произнес:

— Я намерен идти с тобой по этому пути рука об руку. А ты? Неужели хочешь сражаться в одиночку? И собираешься воспринимать меня лишь как деревянную куклу за своей спиной?

Услышав это, Ситу Гунхун мысленно взвыл от несправедливости — хотя в мыслях у него действительно проскальзывало нечто подобное: выступить личным защитником Юэ Инъяна, оградив его от всех бед. Но после того, как сегодня они без тени отчуждения обсуждали тактику и разрабатывали планы по разгрому врага, он всем сердцем полюбил такой формат отношений и еще сильнее увлекся этим одухотворенным, сияющим Юэ Инъяном. Он мечтал провести с ним бесчисленные дни, опираясь друг на друга в любых невзгодах — какая уж тут одинокая борьба, какие мысли о том, чтобы кого-то оберегать! Им было суждено вместе встречать все грядущие бури!

— Если я хоть раз заикнусь о том, чтобы стать твоим щитом или преградой от ветров, я перестану быть достойным тебя, Юэ Инъян! Нет, не я император — я, Ситу Гунхун, клянусь отныне идти рука об руку с тобой, Юэ Инъян, беречь друг друга и быть предельно честными во всем!

Прекрасные глаза Ситу Гунхуна покраснели, и он крепко сжал руку Юэ Инъяна.

— В нашей битве я потерпел сокрушительное поражение. В моем сердце больше не осталось места ни для кого другого. Ты доволен теперь?

На лице Юэ Инъяна сияла чистая улыбка, и даже в глазах плещется веселье, однако нотки некоторого упрямства в его голосе звучали так капризно, что у Ситу Гунхуна внутри всё защемило от нежности. Понимая, однако, что время и место неподходящие, он подавил вспыхнувшее желание и ответил с простодушной прямоотой:

— Это я проиграл с самого начала, потому что в моем сердце с самого начала не было никого другого.

В сердце Юэ Инъяна бушевала буря эмоций. Наконец-то он обрел то, на что, как он думал, у него не было шансов до конца дней — возможность стоять рядом с Ситу Гунхуном как абсолютно равный ему человек. Не игрушка наложник и не придворный фаворит, а партнер, способный вести диалог, поддерживать и занимать такое положение в сердце Ситу Гунхуна, при котором он не чувствовал бы себя недостойным своего возлюбленного.

И он неожиданно получил это сегодня, в столь напряженный день перед лицом грозного врага, посреди искренней беседы двух сердец.

В тот самый миг, когда Ситу Гунхун впервые осознал, что в его присутствии отказывается от пышного титула и называет себя просто я, он окончательно утвердился в мысли — он не просто его полководец, он — его супруг!

Сразу после этого Ситу Гунхун и Юэ Инъян сошлись на том, что их поведение не должно выдавать никаких перемен — все должно выглядеть как прежде, чтобы усыпить бдительность врага. Что же до ночного визита Ситу Гунхуна в поместье генерала, то это давно перестало быть тайной и вполне могло послужить Пинсянь-вану инструментом для посева сомнений в умах чиновников. Следовательно, этот спектакль стоило продолжать и впредь — к тому же это было весьма удобно для поддержания связи и разработки планов, так почему бы и нет?

Прошло еще два дня, но со стороны Пинсянь-вана по-прежнему не было ни малейшего движения. Впрочем, это вполне укладывалось в рамки разумного: судя по всему, он собирался хранить молчание и не оставлять следов вплоть до самого момента поднятия мятежа и подкупа большинства сановников.

Юэ Инъян и Ситу Гунхун по-прежнему тревожились из-за отсутствующей половины тигриной бирки. Со времен основания Святой Династии существовало непреложное правило: для поднятия по тревоге свыше пятидесяти тысяч солдат военачальник был обязан одновременно предъявить две половины тигриной бирки — ту, что находилась у императора, и ту, что хранилась у первого министра. В противном случае не только не имелось никаких прав на перемещение войск, но осмелившегося ожидал арест по обвинению в измене.

Поэтому даже сам правитель не мог самовольно двигать войска. Подобный порядок помимо пресечения умыслов злоумышленников таил в себе стремление удерживать устои государственности в узде, дабы не позволить чересчур тщеславному монарху втягивать страну в ненужные войны. Кто бы мог подумать, что теперь это станет тяжелым испытанием для Ситу Гунхуна и Юэ Инъяна.

В тот день, едва закончив обед, Юэ Инъян по обыкновению заглянул в кабинет полистать военные трактаты, но на душе скребли кошки, и сосредоточиться на чтении никак не удавалось. Стоило ему присесть, как вбежал личный стражник с докладом: у ворот ожидает человек, назвавшийся господином Луном, и просит о встрече.

Поразмыслив с полминуты и придя к смутной догадке, Юэ Инъян велел провести гостя прямо в кабинет. Едва стражник закрыл за собой дверь, как назвавшийся господином Луном снял с головы бамбуковую шляпу — под ней, разумеется, скрывался Ситу Гунхун.

— Вечером же увидимся, зачем приходить еще и днем? Нам стоит быть осторожнее, — с недоумением произнес Юэ Инъян, глядя, как тот невозмутимо устраивается за столом. Если они и впрямь заиграются в столь правдоподобный спектакль, что все министры окончательно потеряют веру в погруженного в разврат императора, не способного выдержать и дня разлуки, проблем не оберешь!

— Я придумал, как раздобыть тигриную бирку! — Ситу Гунхун взял было чашку, собираясь

отпить чаю, но передумал и поставил ее обратно.

— Каким образом? — Юэ Инъян тут же клюнул на приманку и с нетерпением подался вперед. Перебрав в поместье все мыслимые и немыслимые способы, он так и не нашел выхода, и ему с трудом верилось, что император, съездив во дворец и обратно, смог что-то придумать.

— Украсть! — с нескрываемым торжеством произнес Ситу Гунхун.

<http://bllate.org/book/21138/2144069>